

*Век закрыт. Захлопнулась калитка
в Пышный сад былого Бытия.
Ветер с поля да с небес молитву
чутко слышит русская земля.
Стихло все. И солнечность, и лунность
ждут иных напевов и молитв.
И смеется красота и юность,
Что им век? Им новый сад открыт!*

Фотоработы Виктора Дианова.

ВНАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО...

ЧИТА

литературная

№ 1 (35)

Январь 2000 г.

Литературно-художественное приложение к газете «Азия-Экспресс»

ГРЯДУЩЕМУ ВЕКУ

*Михаил
Вишняков,*

шеф-редактор

Золотого века никогда не было на земле. И духовная жизнь народа не укладывается во временные рамки эпох или общественно-исторических формаций. Беломраморная античность жила и в мрачном духом Средневековье, и роскошно благоухала в светлое духом Возрождения, и до сих пор богатырский мир богов и героев, полководцев и философов остается кастальским источником вдохновения.

Сегодня для многих из нас художественно обозначилось: с отменой прошлых заблуждений Отечество не упразднить. Есть земля нашей родины, темная от крови и пота народного, горькая от соли прозрений, святая, грешная и праведная. И Бог не может попустить землю, взрастившую такой отчаянный и великий народ. Есть, наконец, русский язык, пра-отец всей на-

шей духовной культуры, истории и памяти, не говоря уже об изыщной словесности.

Размышляя о веке уходящем, подсудно чувствуешь неотменимость духовного Бытия прошлых поколений. То, о чем пел и плакал, чем счастливо дышал и над чем смеялся народ до революции и до «перестройки», по-прежнему живо, памятно, дорого сердцу российского человека. Тотальный натиск урра-публицистов на историю и философию, искусство и литературу периода СССР оказался непродуктивным и несостоятельным по самой природе воинствующего отрицания и захватывающей пляски на костях отцов.

Десятилетие, которое потрясло Россию политически и экономически, погнуло, но не сломало духовное древо россиянина: народ, огринув здравницы в

честь КПСС и «кремлевских старцев», по-прежнему продолжает любить и ценить старые фильмы, песни и книги, приветствовать то новое, отмеченное даром Божиим и звездой таланта, что появляется в творческой России.

В целом же, к сожалению, мало чести для нашей вечно либеральной и оппозиционной интеллигенции. Потеря бытийную основу, оглушенные событийным грохотом эфира, смутой в умах и расхристанностью столичной

(Окончание на 2-й стр.)

СЕЗОН НОВЫХ СТИХОВ

Судьба забросила первого «соловья Забайкалья», известного русского поэта Николая Савостина, в Молдавию, откуда он недавно написал неуверенным почерком: «...теперь уже вряд ли удастся увидеть Онон и Ингоду, проехать по дорогам милого Забайкалья». Пусть же звучит в «Ч.Л.» соловьиный голос Николая Сергеевича, лучшего поэта нашего края в 50-е годы.

СОСЕДИ

Одни бежали от войны,
Свою спасая шкуру,
Другие рвались на войну,
По мнению первых, — одуру.
Ах, умник, — ловко уберег
Себя, живет примерно.
Сосед же лег под бугорок
Под звездочкой фанерной.
В полях войны собрали прах,
Перенесли в столицу,
И страж не дремлет на часах
Над этою гробницей.
Ушла в кино-туман война,
И страсти поостыли.
Виновных нет — войны вина,
Что тот, другой, в могиле.
Старев, скрывший жизнь свою
За справочкою липовой,
А мать погибшего в бою
Всю жизнь по сыну всхлипывая.
Дворец, собаку на цепи
Он приобрел заслуженно,
Значок какой-то нацепил
И врет про фронт за ужином...

КОНТРОЛЬНЫЙ УЛЕЙ

В прибор цветения пчелам разгулье,
День зноен и липовым цветом
пропах.
На улочке пасеки крайний из ульев
Приподнят слегка на контрольных
весах.

Веса, что обычны под крышей
амбара,
Где бочки, мешки, —
неожиданны здесь.
Попробуй с их помощью граммы
нектара,
Добытые шустрыми пчелами, взвесь.
Но как подскочило весов коромысло
От тяжести вольного промысла пчел.
Орудья гириями,
Секреты цветения не перевел,
Как шатко, как все переливчато
в мире.
Уж ночь, а закат не уймется никак.
И этот, стремящийся с помощью гири
Вселенную уравновесить, чудак.

ПОДРАЖАНИЕ МОЛДАВСКОМУ

Между нами с тобой семь холмов,
Семь холмов и лесок зеленеет,
Среди леса поляна одна,
Каждый год земляника там зреет.
Земляника привольно цвела.
Да заглохла под тенью бурьяна.
Между нами с тобой семь холмов,
Семь холмов и сухая поляна.
Отделили тебя от меня
Не какие-то горные пики —
Семь холмов, семь холмов,
семь холмов
И поляна, где нет земляники.

*Николай
Савостин*

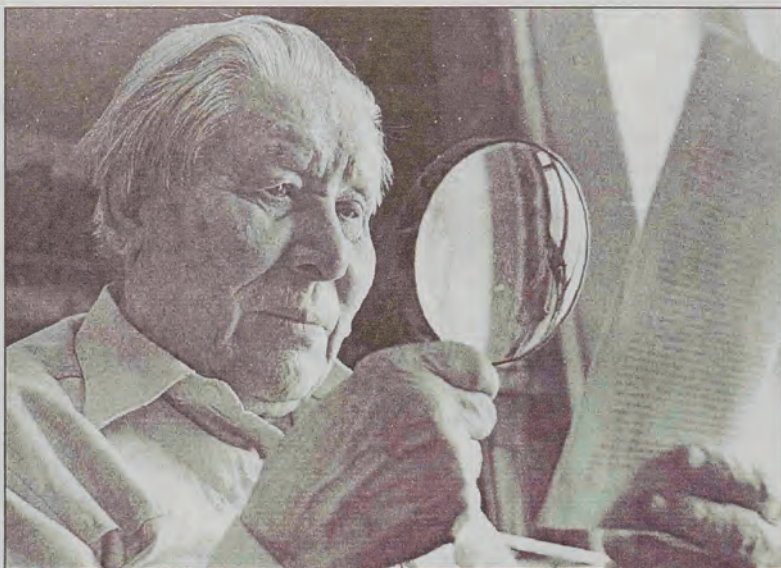
Мне любо небо Азии —
И ясное, и темное,
В его многообразии
Живет душа огромная.
В огне зеленом зори
И в пламени багряном
Задумались над морем,
Точней — над океаном,
Над сопками валы
Вверх — за гребнем гребень —
Плывут, белым-белы,
Как отраженья в небе.
Сияние рябое
Мерцающих небес
Ласкает под собою
В снегах тревожный лес.
Как бел пушок на синем —
Намек на облака
В обугленной пустыне
Среди материка.
Или закат в навалах
Туч, облаков, дымов,
Играющий Байкалу
Своей эпос в сто томов.

С НОВЫМ ДВУХТЫСЯЧНЫМ!

9 января 2000 года российскому писателю Василию Ивановичу Балябину исполнилось бы сто лет.

Участник всех литературных праздников в Чите Василий Иванович на «Забайкальской осени» 25 лет назад.

Михаил
Визиняков

**ПРИТЧА О ПИСАТЕЛЕ
БАЛЯБИНЕ**

Старик Балябин четко понимал
Сей жизни околесицу.
Он говорил: «Велик ты или мал —
Храни серебряную лестницу,
Когда наступит твой черед,
По ней пойдешь до звездной
звонницы.
Мир обернется задом наперед
И за тобой, как черт, погонится». —
Старик Балябин шапку вынимал
И подтверждал: «Смотри — тжелеба,
По ней мой век бежал кроваво-ал
И даже выточил два желоба.
А не догнал. Я вверх ушел, как свет,
Перелетел через ухабины.
Не успеются мародерам, нет! —
За славу старика Балбина».
Тунгусский глаз прищуривал хитро.
И глядя шапку, как ровесницу,
Вплетал таланта злато-серебро
В свою серебряную лестницу.
... Мораль сей притчи, в общем,
такова:
Талант, он к Богу ходит по дрова!

**ГРЯДУЩЕМУ
ВЕКУ**

(Начало на 1-й стр.)

да и провинциальной творческой среды, многие писатели, артисты, художники, музыканты панически отступили с битвы на Духовном поле.

И не творчество умерло в эти годы. Отмирала существование большевистско-рапповская идеология, политизированная беллетристика, заказные романы, картины, спектакли, песни, всевозможные «агитки» исторического и философского знания! И слава Богу!

Грядущему веку, на мой взгляд, не нужны произведения про «шахтеров и стюардесс, моряков и сталеваров». Повилась острая потребность в художественном исследовании современного человека. Все больше и больше обществоведение трансформируется в человековедение. И здесь возникает еще одна проблема: поставив на божницу личность и индивидуум, творец как бы индивидуализируется сам, отвергает объективное в пользу собственного видения мира: так я понимаю, так думаю, так творю.

И восстают из виртуальной преисподни призраки страха, крови, насилия, распада, тлена и пессимизма. Вновь правит бал постмодернизм, поток сознания, антигуманистические концепции романов-кентавров, в которых смешано добро и зло, правда и ложь, героизм и злодейство. По ту сторону смысла все дозложено: антимызыка, антиживопись, антикультура.

Это только в детской песенке поется «прекрасное далеко, не будь ко мне жестоко». Грядущий век будет жестокой битвой между компьютерными, технократическими творениями и живым письменным словом. Вероятно, письменные творцы потеряют поражение и Слово останется, как религия, предметом изучения чудиков-языко-творцев.

Очевидно, гнилостно расцветет шоу-лозия и шоу-живопись, вообще шоу-искусство для масс, самопальное мародерство, где каждый сам себе Пушкин, где «плачут богатые», где песни поют политики, пляшут депутаты, музидируют министры...

Конечно, не все пессимистические прогнозы сбываются. Дай-то Бог! Золотое наследие российской истории и культуры, искусства и литературы можно промотать, но умертвить нельзя. Дай Бог, чтоб и нас, творивших в двадцатом веке, помнили! Словом. А каким — «нам не дано предугадать...» Что Бога нет, что обнищали души — Есть ложь и неустройство этих лет. Я блещ таланта чувствую в грядущих, Летящих в бездны,

по земле бредущих,
И, дай нам Бог, увидеть этот свет!

30 декабря — день рождения старейшего журналиста, забайкальского писателя Григория Григорьевича Кобякова. Сейчас бы ему было семьдесят лет.

В литературу Григория Кобякова привела журналистика. Именно с газеты, с журнальных публикаций началась проба сил.

В 1958 году в Читинском книжном издательстве вышла первая книга Григория Кобякова «Гордая песня» — сборник охотничьих рассказов и зарисовок.

В последующие годы вышел еще целый ряд книг Григория Кобякова, в их числе повесть

«Лирическая тетрадь», роман «Кони пьют из Керулена», по мотивам которого написана одноименная пьеса, книга очерков «Обелиски» и др.

Сейчас автор готовит к изданию новую книгу — документальную повесть о Монголии «Белая юрта».

Член Союза писателей с 1966 года.

Текст из справочника «Литературное Забайкалье», вып. 1979 г.

Григорий Кобяков в расцвете жизненных и творческих сил. «Забайкальская осень», Чита, 1975 г.

Месяц назад Виктору Брониславовичу Лавринайтису, забайкальскому прозаику, исполнилось 80 лет.

Дорогой Виктор Брониславович! Двадцать четвертого ноября одна тысяча девятьсот пятнадцатого года ты появился на свет. Следовательно, сейчас тебе семьдесят четыре! Солнечный возраст, ты можешь им гордиться. Как поется в песне: «Твои года — твоё богатство». Мы не очень верим такому богатству, но время нас не понимает. А вообще — лучше быть молодым, иметь кучу книг, кучу денег... Мда, книги у тебя есть, довольно много. Мы это хорошо знаем, А что денег нет — тоже известно.

Ты, Виктор Брониславович, — писатель от Бога. Мы говорим об этом честно, прямо. Станция Морзон, где ты жил довольно долго, стала трамплином твоих первых произведений. Темы, сюжеты, правдивость, художе-

ственность слова, простота письма в народном стиле — все эти плюсы привораживали читателя к твоим книгам. Не одно поколение воспиталось на повести «Падь золотая», на романе «Лесная быль». Это лучшие твои произведения, ты можешь гордиться ими.

Так было долгие годы. За ними последовало не менее долгое молчание. А надо наоборот: при теперешней необъявленной войне в России твой талант может быть грозным оружием против мракобесия, развязанного враждебными силами нашей Родины. Мы призываем тебя обнажить свой меч влиться в ряды сражающихся — за святое дело Отчизны. Как призывали тебя твои дети, когда хотели от тебя чего-то необычного!

«Лавринайтис — постарайтесь!» Мы тоже просим об этом. Газета «Чита литературная» с удовольствием напечатает твои рассказы, очерки, ну, а книги... Найдем доброго человека, который не только кладет деньги в карман, но и носит в них томики наших произведений. Есть такие люди, не оскудела земля забайкальская!

Мы виноваты перед тобой, что не отметили твоё восьмидесятилетие — так неудачно сложились обстоятельства. Но уж семьдесят пять — отгромаем!

Будь здоров, дорогой друг, точи перо, бери бумагу и — строчи! Новых тебе книг, новых дерзаний. Докажи своим читателям, что твой порох не исыкал и не пусты твои пороховницы...

Друзья-писатели.

Виктор
Балгорский

**ВОСПОМИНАНИЯ
О ГЕННАДИИ ДОНЦЕ**

1. Никогда не думал, что сонет посвящу я памяти твоей... Ты сказал: «Конца у жизни нет!» Оттого и стало жить светлей. Оттого и было мне милей Каждый раз с тобою говорить Оттого и памяти твоей Не могу я строки посвящать. Ведь в степи и в нерчинской тайге Голос твой я слышу вдалеке! Ты был прав — конца у жизни нет...

Ты ушел куда-то далеко. Хоть поверить в это нелепо, Но придешь и скажешь мне:

«Привет!»

2. Но придешь и скажешь мне:

«Привет!»

И опять мы будем говорить, Что конца у этой жизни нет И судьба за все благодарить... И поедом в солнечную даль, Где тайга без края и конца, Где расчеты, склоки и печаль Не смутят наивные сердца. У хостра таежного в тиши Будешь о бессмертии души Говорить со мной наедине. И встречая розовый рассвет, Повторишь: «Конца у жизни нет!»

Ночь темна. Я плачу в тишине...

3. Ночь темна. Я плачу в тишине.

Голос твой услышав сквозь туман.

Все твои рассказы о войне

Так и недописанный роман...

И вернемся в город мы опять,

И заглянем в гости невзначай,

Старики там будут нас встречать.

Как всегда, таежный крепкий чай

Бабушка Виктория нальет,

А Балябин снова поведет

Сказы о далекой старине...

Ты ушел куда-то далеко,

Мне поверить в это нелепо,

Ночь темна. Я плачу в тишине...

8 июня 1996 г.
В 1996 году Геннадий Донц
трагически погиб.

фото Виктора Дианова

Что такое импровизация? Это — полет, свободный полет птицы, когда слух купается в мире звуков, правая рука знает, что делает левая и обе они слаженно в одном ритме рожают новую музыку, — она смутно пробивалась в подсознании и выплеснулась, заставляя подчиниться своей воле.

Тема есть, вариация — непредсказуема!
Я — в прекрасном сне, земном и неземном!
Весь мир — в боковом зрении!
Величайшее наслаждение!

— Хэллоу, Долли!
В джазе — всегда свобода импровизации, сочинения и каждому дают шанс показаться, на что ты способен! В джазе нет новичков — есть музыканты!

Это — как спуск на подножке в ревущем потоке. Пока — все тихо, но все в напряжении. Пианист тихо, задумчиво «вводит» тему. Взял ритм ударник, — ушки на макушке, прискакивает, как на пружинке, что-то напевая: «Бдум-бзынь, бдум-бзынь...» С хорошим ударником — как в аптеке! И все его слушают!
Тихо топая по половицам «пошел» контрабас, А-тум, п-тум, тум, тум, п-тум,

должен почувствовать это в твоей игре! — такова жизнь музыканта!
...А я уже срываюсь и лечу, а вслед летят звуки духового оркестра...

Переволпещаюсь в иву, склоненную над рекой-ленточницей. Я грущу о прошедших днях, о невзвратной юности, смотрю на свое отражение в реке, тихо покачиваясь, думаю... Рыбка отплекла меня от несвеселых мыслей, — она увлеклась охотой на муху, цокнув, взлетела над водой и шлепнулась в воду. Разорвалось синее небо и закачалось на волнах. Ветерок сморщил кожу на воде, примесав ее гребешком, ласково потрепал верхушки деревьев.

русская душа? Все ей чего-то мало! Может смеяться до слез, плакать до хохота!

...Опускаюсь в приселеную...
Я — среди невинно убиенных — мукаюсь их муками, плачу их слезами и спрашиваю кровавыми губами: «За что?»

Наверное, так задумано творцом — человек должен перенести через сердце боль общения с себе подобными!

Мечтает совесть — поет и плачет «Славянский танец», надрывая душу, зачиная вдали... И долго еще всполохи зарниц отражаются на тумих облаках.

Все познается в сравнении. лоплющееся от гротоха небо и... тишина полей в июльскую жару...

Тихая песня матери, баюкающей ребенка, и... дикий рев пляшущих волосатых трупов с лотной грудью — на экране телевизора...

Это жизнь! Через это надо пройти, — по возможности с достоинством, не теряя, не проливая совесть, не заигрывая с ней!

...А я уже улетаю, исчезаю...

ИМПРО ВИЗАЦИЯ

Валентин Марков

На лице гуляет блаженная улыбка юродивого,
Мысли летят далеко-далеко и влекут за собой!

...Вот я птицей лечу над озером, купаюсь в теплом ветре. Я полон сил и кричу от радости над озером, купаюсь в теплом ветре. Я полон сил и кричу от радости, захлебываясь от счастья!..

...Вот я — ветер! С неистовой силой пронесусь по ущельям, заставляю лечь серые громады! Один звук мне понравится, я возвращаюсь и еще, и еще вонзаюсь в расщелины с удвоенной силой! Весь мир вибрирует, покорный мне! Снежная пыль, словно пар, окутывает долины!..

Вдоволь набесившись, потрпав белые шапки гор, нашиваясь снегом, обессиленный, я залетаю в солонную долину.

Я вижу загорающую молодую стройную женщину, вихрем подлетаю к ней, вижу ее испуганные глаза и зачарованный ею, ирривым котенком затихаю возле нее... Играю ее роскошными волосами, прохладой дышу на ее теплые груди — слушаю, как стучит ее сердце, целую ее в вишневыи губы и... улетаю!. На ее лице — мечтательная улыбка!

— Будь счастлива — прекрасная, как жизнь, хранящая жизнь, дающая жизнь!
— Будь благословенна — во веки веков!

...А я уже вселяюсь в душу легкой бабочки, — весело порхаю, радуюсь жизни, и жизнь радуется, глядя на меня!..

...А вот я — парижский гамэн, беспризорник, шатаюсь с аккордеоном по улочкам то печальный, то веселый и бесшабашный и люю песни Джо Дассена!..

...Мчусь дальше — сквозь пространство и время.

— Почему негры играют джаз?
— Странный вопрос, джентльмены! Да потому, что в те времена, при той проклятой жизни и такой прекрасной природе — явный диссонанс, отсюда такие диссонирющие аккорды!

Забьются в свободу музыки, в свободе танца! Уж эту-то свободу никто и никогда не отнимет!

— Какие чувства вызывает блюз?! (Ты би блю — по английски — быть в печали).

Какая уж там печаль?! Это взрыв эмоций!!

...И вот я — Луи Армстронг, прижимаю к толстым и добрым губам, облившие обезьяньими волосатыми лапами золотую трубу и выдаю тонкую, как свист, мелодию. Я торжественно, видя наслаждение публики, понимаю меня благодарными глазами! Я выплескиваю переполнившую меня любовь к музыке!

Пой, старики! — надоело под маской приличия скрывать характер мальчишки!

Поет в крови радость дикого зверя! Я закрываю глаза, настукивая ритм на чем попало и, мотая «забубенной» башкой, рыну свободную, дикую песню койота!

п-тум, тум, тум... Басист прекрасен, — аж бабочка на рубашке встала дыбом!

В голове тема, твой предел — «квартат», в руках — зуд!

Свинговый ритм возбуждает не хуже женщины!

— Пошел! Бросаясь в поющий музыкальный поток и музыканты на тебя надеются, что не бравом, — лабухом, выдашь все, чему тебя учили и не учили!

Каждый из нас встает и «рассказывает» по теме, тебя бережно сопровождая или с улыбкой ивиают в такт, подмигивая.

Вот так бы было в жизни! — себя чувствуешь единым организмом, подвластным малейшему движению дирижера!

...Переносую на танцы под духовой оркестр. Вокруг — солидная публика, только те, кто умеет танцевать. (Кто не умеет — учись на задворках!). Одеты все — как на бал и настроение праздничное.

Под кивок капеля дал темп большой барабан: бум-чань-чань, бум-чань... (Первый «фонарь» у меня пауза, мычу мелодию).

...В городском саду играет духовой оркестр. (вот сидит моя зазноба, терпеливо ждет).

На скамейке, где сидишь ты, нет свободных мест, (в перерыве потанцую, мой придет черед)!

...Но что это? — я вижу, как ее пригласил на танец парень и она пошла с ним!! Ревниво забилось сердце... Не вижу нот... Бум-чань-чань, бум-чань-чань... Ишь — разговаривают!. Она ему даже улыбається!!

(Сплошное невезение! Не мог же разозраться я, играть на этой «Дудорге» и сразу танцевать!)

Сегодня танцует без моего разрешения, завтра — целоваться... (Счас мне будет замечание, счас мне будет «втык»)

...Остановите музыку, остановите музыку!

Прошу вас я, прошу вас я!

С другим танцует девушка моя-а-а-а!! Моя труба «захлестала между нот», а затем выдала такой фальцет, что музыканты зашумелись!

Седой капель так выразительно выругался глазами, что я до окончания танца не спускал с него испуганно-обиженных глаз!

Потом, в перерыве, он мне скажет: «Даже если у тебя умер кто-то, никто не

...Лечу сквозь годы и пространства...

Я — в мелодии, когда оживают ручьи, — я ручей, мутный, пьяный и веселый заливаю пужицами и пужицами оттаивающую землю. Луки несут на себе яркое синее небо. Земля сбрасывает с себя грязно-белое одеяло.

Вот я жаворонком взмыл и трелещу крылышками в вышине, — меня не увидишь, слеза застит глаза! Меня уже нет, лишь мелодия звенит в парном небе! Счастье и радость льется с небес!

Чья-то заблудшая душа, с глубокого похмелья, подняв голову, с удивлением слушает мою музыку. Заскорузлый пятерней почесав потник заспеленных волос, вспомнит — он человек!

Дак приморили, суки, приморили! Отобрали волошку мою!
Молодые кудри поседелели, — Знай, у края пропасти стою!..

Поворотит по темным закоулкам своей памяти и отыщет спрятанное в тряпицу святое, сокровенно скрываемое чувство! (Нельзя показывать — смеяться будут!)

Вспомнилось, что давно не писал матери, не то чтобы погостить у нее! Вспомнилось, что незаслуженно обидел мать и не повинился перед ней! Засверблял в носу и что-то теплое покатилось по щекам и губам.

Бунчуешься бы на колени и попросить прощения — да в живых ее уж нет!.. Запрятать это теплое чувство поглубже, подальше, когда еще придется «сам на сам» поговорить!

...И вот уже «Цыганочка» на горячих конях уносит куда-то в табор, где «...будут песни петь пихие, оттоно тоску я прочь!»

Когда фонарики качаются ночные и когда черный кот выходит из ворот, я из живой иду, я никого не жду, я никого уж не смею полюбить!

И вдруг среди этого смрада захочется глотка чистого непрокуреного воздуха, глотка чистой ключевой воды, глотка чистого звука! И я ныряю с головой в океан музыки!..

...Я переносуюсь в Турцию... Звучит восточный ритм: «Лахи-таки-тум... па-кум, лахи-таки-тум... па-кум... Мелодия льет боль и покорность судьбе. Звучит «Восточная мелодия». — Купречик. Аллах велик! Аллах Акбар!

Плачет Рохсолана, занесенная в туретчину судьбой, а ведь она — любимая жена в гареме хана! Все, что пожелает, у ее ног!

Как же неладно и нескладно устроена

...Волны — зелено-седые с небрежно нахлобученными шапками из водорослей, чмокая и хрипя, торопясь и наваливаясь друг на друга, жуя и хрустя клыками скал, в немой злобе хлещут мягкими лапами по берегу и, обсебившись, сползают вниз, но, спохватившись, кидаются на берег вновь и вновь и елозят по нему пылышками в вышине, — меня не увидишь, слеза застит глаза! Меня уже нет, лишь мелодия звенит в парном небе! Счастье и радость льется с небес!

Чья-то заблудшая душа, с глубокого похмелья, подняв голову, с удивлением слушает мою музыку. Заскорузлый пятерней почесав потник заспеленных волос, вспомнит — он человек!

Дак приморили, суки, приморили! Отобрали волошку мою!
Молодые кудри поседелели, — Знай, у края пропасти стою!..

Поворотит по темным закоулкам своей памяти и отыщет спрятанное в тряпицу святое, сокровенно скрываемое чувство! (Нельзя показывать — смеяться будут!)

Вспомнилось, что давно не писал матери, не то чтобы погостить у нее! Вспомнилось, что незаслуженно обидел мать и не повинился перед ней! Засверблял в носу и что-то теплое покатилось по щекам и губам.

Бунчуешься бы на колени и попросить прощения — да в живых ее уж нет!.. Запрятать это теплое чувство поглубже, подальше, когда еще придется «сам на сам» поговорить!

...И вот уже «Цыганочка» на горячих конях уносит куда-то в табор, где «...будут песни петь пихие, оттоно тоску я прочь!»

Когда фонарики качаются ночные и когда черный кот выходит из ворот, я из живой иду, я никого не жду, я никого уж не смею полюбить!

И вдруг среди этого смрада захочется глотка чистого непрокуреного воздуха, глотка чистой ключевой воды, глотка чистого звука! И я ныряю с головой в океан музыки!..

...Я переносуюсь в Турцию... Звучит восточный ритм: «Лахи-таки-тум... па-кум, лахи-таки-тум... па-кум... Мелодия льет боль и покорность судьбе. Звучит «Восточная мелодия». — Купречик. Аллах велик! Аллах Акбар!

Плачет Рохсолана, занесенная в туретчину судьбой, а ведь она — любимая жена в гареме хана! Все, что пожелает, у ее ног!

Как же неладно и нескладно устроена

Александр
Воинов

Александр Алексеевич Воинов — один из старейших журналистов нашего края. В 1957 году, после окончания Московского университета, он стал сотрудником областной газеты «Забайкальский рабочий». Был корреспондентом, заведующим отделом сельского хозяйства, с 1974 по 1993 год — первым заместителем редактора.

Продолжает трудиться в родной «Забайкалке» и сейчас — возглавляет корреспондентскую сеть. Любимый жанр Александра Воинова — очерк, зарисовка, очерковая статья. Он автор многих материалов о тружениках деревни, их жизни, делах и чаяниях.

Некоторые очерки вышли отдельными изданиями: «Записки сакманщика», «В стороне от большаков» (эта книжка написана в соавторстве с поэтом и коллегой Ростиславом Филипповым), печатались в журнале «Сибирь», включались в коллективные сборники «Люди земли Даурской», «Годы и люди». Материалы поездок по Забайкалью легли в основу книги рассказов «Кочевье», изданной в 1972 году в Иркутске.

В последнее время журналист-ветеран, заслуженный работник культуры России часто обращается к своим старым блокнотам, знакомит читателей с наиболее интересными записями. Его воспоминания публикуются под рубриками «Далеко — близко», «Созидатели», «Юбилей», «Братья наши меньшие».

Сегодня Александр Воинов рассказывает об одной таежной истории, происшедшей много лет назад.

снегом. Порылись в этой осыпи — ни единой шишки. Цепко держались они и на других лесинах, «обстужанных» Николаем. «Ножи у шишек волговатые стали (отсырели, — А.В.). Пока не подсохнут, — колотить бесполезно, — поставил он окончательный диагноз. — Айда лучше в зимовье орехи щелкать».

Но на всякий случай решил стукнуть еще по одной, стоявшей чуть поодаль кедрине. Не дойдя нескольких шагов до нее, остановился вдруг, быстро нагнулся и стал что-то внимательно разглядывать. Позвал нас с Андреем, показал на чьи-то широкие следы с глубокой вмятиной на месте пятки. Потрогал их — свежие. «Михайло Потапыч пожаловал, — определил Николай. — Только что прошел. Он любит наведываться, где шиш-

куют. Как застучат колотом — сразу туда, пропущенные шишки подбирать. Айда, ребята, до хаты! Нам встреча с таким визитером совсем ни к чему».

...Я столь подробно рассказал о некоторых эпизодах из жизни новоявленных шишкобоев потому, что без этого труднее будет воспринимать заключительную часть повествования, в которой говорится о человеке, шиковавшем на лару с... медведем.

...На курорте Кука я познакомился с соседом по палате Владимиром — красночикойским охотником. Очень обрадовался встрече: вот послушаюсь разных захватывающих историй. Но Володя оказался человеком малоразговорчивым. К тому же, большую часть

валунами хоронится. Смирный медведь попался: ни мне ничего худого не сделал, ни сайбу не трогал. Не лаковый. И я его не беспокоил — вместе шишковать так вместе...

Утром приду к себе на поляну, гляжу — там куча навалена, там, много их... А орехи-то все целехонкие. Так через брохо и прошли нетронутые. Вот тут я и понял, что Михайло совсем беззубый. Раздерет шишку, орехи выберет, а разжевать — нечем.

Полмесяца вдвоем шишковали. Утром приду с зимовья — Михайлы нету; где-то в яме или за валежиной скорчился. Начу колотом стучать, шишку собирать. Наблю куль, понесу в сайбу, а он из своего укрытия выскочит и давай подбирать, которые я пропустил.

Как-то сходил я проведать мужиков, которые неподалеку шишковали. Спрашиваю:

— Так один и колотишь?
— Почему один? — отвечаю. — Мощный оказался. Вот эти странички.

— Кто?
— Топтыгин!
— Брешешь?

Рассказал про старого обеззубшего медведя. Все равно не поверили.

— Не верите, — говорю, — пошли со мной.

Пришли, оглядели медвежий кули.

— Вовка, — говорят, — орех-то отборный. — Пошутили по-мужицки: деликатесом такой орех пойдет медвежий, нутряно!

...Зато чернику в низинах дочиста высосал. Все поляны черничные облизал. Но, думаю, в холода, однако, околет... Где ж он без зубов жиру-то на всю зиму набирает?

— Вот такой, — закончил Володя свой таежный рассказ, — был у меня однажды шишкобойный напарник.

ШИШКИ ОТ ТОПТЫГИНА

В семидесятом году новоиспеченные шишкобои — два моих приятеля Николай, Андрей и я — оказались в чикойских кедрчак, километрах в сорока от ближайшей деревни Шонуй. Очень уж захотелось весь отпуск пробыть в глухой таежной и немного познать «секреты» древнего промысла. Николай был в нашей мини-бригаде за старшего, поскольку в родных иркутских краях еще подростком начал осваивать шишкобойство. Мы с Андреем — полнейшие неумехи в этом деле.

Рисковали и заключили договор с Мензенским госпрохозом на добычу стольких-то килограммов орехов. Запаслись в местной лавке харчишками на первое время (остальные, сказали нам в конторе, будут выдаваться на таежной базе «под будущую продукцию»).

Проводник из Шонуй довел нас до зимовья, показал, где колотить. Основные промысловые массивы были в полтора-двух километрах от избушки. Там на неширокой поляне стояла сайба — добротный срубленный амбар на столбах, куда сыпали шишки, а после обмола их — уже готовые орехи.

Николай как заправский таежник, смастерил «мельницу», чтобы рушить собранную добычу. Для извлечения орехов из этой обильной смеси шелухи рядом с сайбой повесили решета.

А начал Николай свое бригадирство с сооружения тяжеленного колота (гигантского молота), при умысле и резких ударах которым по стволу с веток густо сыплются смолистые шишки. Получился не ко-

лот, а настоящее произведение деревянного искусства: ведь надо было на редкость точно рассчитать угол запыла фронтальной и ствеса тыльной частей молота, чтобы при ударе на кедринах не разрушалась кора.

И хотя «молот» Николаю удался, изматывались мы на первых порах изрядно. Особенно Николай, потому что взял на себя основные «ударные» функции — в это не баклуши бить. Тяжко! На себе изведаль, лопытавшись в начальные дни отобрать «хлеб» у Николая. При каждом ударе у меня мгновенно запотевали очки или вообще сплетали с переносицы. Оберегая мои худо выходящие «очи», «подельники» до конца сезона отрезали меня от должности «колотушника» и безжалостно перевели в сборщики шишек. Набрал широченный, а потому тоже довольно увесистый мешок, я на горбу пер его в сайбу амбар.

Под самый конец договорного срока на наш кедровый Клопдайк обрушилась такая пурга, что утром мы кое-как приоткрыли заметенную чуть не доверху дверь зимовья. Что делать — переждать непогоду или попробовать продолжить колотушное дело?

Почти по колено проваливаясь в белые заносы, еле-еле добрались до «рабочего места». Николай, примерившись, со всей силой жакнул колотом по высоченной кедрине. Нас с Андреем с головы до ног осыпало обрушившимся с веток

дня он спал. По дорожкам терренкура не гулял. «В тайге за год так нагуляешься да в зимовье морозные ночи покоротаешь — целый бы месяц без проспы дрых», — объяснил он мне свой нынешний лежачий образ жизни.

Знав, что я бывал в тайге, да еще в его родной, чикойской, Володя подобрел ко мне, разоткровенничался и поведал одну «медвежью» историю, которую я по горячим следам и записал в свой блокнот. Вот эти странички.

— Не-е, не думаю, что медведи обязательно на стук колота собираются, возле сайб промысляют, — начал Владимир свой рассказ. — Ни разу их не встречал. Был, правда, один случай... Появился у меня как-то «напарник». Привалился на моем участке «шишковать». Совсем без зубов медведь оказался, старый... Я один тогда колотил, он ко мне и пожаловал. Я когда отлучусь — похлебку на обед сварить или в зимовье ночевать уйду, он из своего укрытия выходит и хозяйничает. Я разве все шишки, которые от колота нападают, подберу дочиста? Не станешь же каждую, а они то в мох, то в листья бадана закатятся, отыскивать. Кого время задарма терять?! Я лучше новую кедрину обстучу — больше набсраю. А он, когда меня поблизости нету, ходит и подбирает, которые я не углядел. Подчищает за мной.

Пока я на поляне, он где-нибудь в буреломе отлеживается или за

Кэико-Хоси ЗАПИСИ ОТ СКУКИ

Эти заметки о пьянстве, написанные японским монахом почти 800 (!) лет назад. Прочтите и вы узнаете себя или своих знакомых.

Много есть в мире непонятного. Непонятны, например, причины, по которым находят интерес в том, чтобы по любому поводу выставлять сакэ и принуждать напиваться им. Лицо пьющего совершенно невыносимо: он страдальчески морщит брови, пытается исподтишка выплеснуть сакэ, норовит сбежать, но его хватают, удерживают, не в меру наливают — и тогда даже сдержанный человек вдруг делается сумасшедшим и выглядит дураком, а совершенно здоровый на глазах превращается в тяжело больного и падает, ничего не соображая.

Так праздничный день делается отвратительным. У человека до рассвета болит голова, он ничего не ест, лежит, стелая; о вчерашнем ничего не помнит, как будто это было в другом перерождении. Он пренебрегает важнейшими делами — служебными и личными, и это обращается ему во вред. Тут больно смотреть даже постороннему человеку. Ведь даже люди, кажущиеся

разумными, имеющие благородный вид, выпив, без видимой причины заливаются смехом и шумят, бываю многословны, не обращают внимания на то, что шляпа сбита набок, шурши на платье развязаны, колени высоко задраны и оголены, в неряшливости своей они и сами на себя не похожи. А женщины откидывают со лба свалившиеся пряди волос, запрокинув бесстыжие лица, отпустили хохочут, хватают других за руки, держащие бокалы с вином. Презренные типы берут закуски, суют ее другим в рот... Здесь творится лишь постыдное и достойное сожаления. А под конец, хватив лишнего, люди сваливаются с обрывов, падают с коней и повозок, ушибаются. Когда же врать не на чем, то бредут по дороге, шатаются из стороны в сторону, потом упираются в земляной вал или подворотню и изрыгают невыразимое, старье монахи с шарфами через плечо, сцепившись в плечо послушника, бредут, пошатываясь и бормоча нечто невнятное, — смотрят на

них невозможно. Ну, будь это занятие таким, которое в этой или будущей жизни приносило какую-то пользу, тогда бы делать нечего. Ведь проповедовал же Будда, что «кто, кто, взяв вино, поит другого человека, в течение пятилет перерождения родится бездумным существом».

Но несмотря на то что мы считаем вино таким противным, бывают случаи, когда и самим нам трудно от него отказаться. В лунную ночь, или снежным утром, или же при распустившихся цветах сакури, безмятежно разговаривая, достать бокалы — занятие, усугубляющее всякое удовольствие. Если в тот день, когда тебя одолевает скука, к тебе неожиданно приходит друг, то приятно бывает и пирушку устроить.

Очень хорошо, когда в доме, где вы чувствуете себя не совсем удобно, какое-то прелестное существо протягивает вам из-за бамбуковой шторы фрукты и вино. Зимой бывает очаровательно где-нибудь в тес-

ном помещении подогреть на огне сакэ и наедине с задушевными друзьями пить его вволю. А во время путешествия на стоянке где-нибудь в глухих горах неплохо выпить прямо на дерне, говоря: «А что у нас на закуску?» Очень хорошо также выпить для восстановления сил тяжело больному. Особенно приятно, когда знатный человек обращается к себе: «Ну еще по одной: этого «молот»! А еще приятно, когда человек, с которым хочешь сблизиться, — любитель выпить и близко с тобой сходитя.

Что ни говори, а пьяница — человек интересный и безгрешный. Когда в комнате, где он спит утомленный попойкой, появляется хозяин, он теряется и с застанным лицом, с жидким узором волос на макушке, не успев ничего надеть на себя, бросается наутек, схватив одежду в охапку и волоча ее за собой. Сзади его фигура с задранной подолом, его тощие волосатые ноги забавны и удивительно вяжутся со всей обстановкой.

ЭТНОС В ГОСТЯХ У «ЧЛ»

В ветвях крадется соболя,
замырая,
Хребты надежно
держат небосвод.
Откуда я?
Из песенного края.
Кто я такой?
Сын этих гор и вод!

Николай ДАМДИНОВ.

ИЗВЕСТИЯ СЕВЕРА * СЭВЭРНИ ТЭДЭВУН

Скоро пять лет, как делегация звенков Забайкальского и бурятского Севера (вы видите ее на снимке) впервые побывала в Америке и в Канаде. Тогда северяне осуществили поездку благодаря личному приглашению доктора географии, американки Гейл Фондал, ныне ведущего специалиста Северного Университета Канады, автора работ по пле-

должности; укрепление диалога между культурными и коммерческими структурами России и Америки.

Вкратце — о Библиотеке Конгресса США, автора действующей программы "Открытый мир". В 2000 году Библиотеке — этому самому крупному источнику международной информации (на 450 языках мира) исполняется 200 лет (год основания — 1800-ый).

ПО ЗАМЫСЛУ БИБЛИОТЕКИ

неводству витимо-олекминских звенков.

В составе той первой зарубежной делегации звенков были: Наталья Прокольева Токаренко (Габышева), президент ассоциации малочисленных народов Севера Читинской области, Дарья Петровна Миронова, руководитель первого в Восточной Сибири Багдаринского центра звенкинской культуры, охотник и оленевод из Тунгокочена Николай Арунеев и председатель Тунгиро-Олекминской районной ассоциации малочисленных народов Севера Галина Васильевна Абрамова.

И вот новая поездка лидера забайкальских звенков Натальи Габышевой за рубежом, в США — в сентябре-октябре нынешнего года. Она стала возможной потому, что Наталья Габышева — не только национальный лидер звенков, но и выборное должностное лицо (возглавляет администрацию села Чапо-Олого Капарского района). Именно такой контингент россиян становится участником программы "Открытый мир" Библиотеки Конгресса США. С мая нынешнего года программа получила поддержку Конгресса Соединенных Штатов и начала исполняться.

С июня 1999 года участниками программы "Открытый мир" уже стали свыше 2500 граждан России. В интересах программы "Открытый мир" — знакомство россиян с деятельностью американских демократических институтов и политической системой США, взаимосвязь лидеров Америки и России, занимающих выборные

Начинала библиотека свою работу как справочный отдел для законодателей. За первые 100 лет она превратилась в авторитетнейший институт государственного (и мирового) масштаба. Второй век своей жизни Библиотека посвятила тому, чтобы стать законодательной и исследовательской базой Конгресса США, научным центром по сбору мировой информации с 22 читальными залами в трех зданиях Капитолийского холма и одновременно — американским агентством по авторскому праву.

Директором Библиотеки Конгресса США, этой величайшей сокровищницы знаний планеты Земля является Джеймс Г. Биллингтон — педагог, историк, писатель.

"Северный чум" тем более рад сообщить своим читателям эти сведения, поскольку ранее поданная информация некоторых средств массовой информации была или неточной, или неполной. Одновременно по здравьям Наталью Прокольеву Габышеву и всех звенков области, которые через своего лидера так или иначе смогут прикоснуться к полученным ею впечатлениям, знаниям, ощутить результаты этой удивительной поездки в своей реальной жизни.

На снимке 1995 года: делегация звенков Читинской области и Бурятии запечатлена с матерью вождя индейцев Софией (в центре). Она, кстати, родила 15 детей, написала и издала книгу. В свои 78 лет бодро совершает походы, собирает лекарственные травы.

Фото Гейл Фондал, Канада.

Давным-давно это было. Прилетела к нам на Ююку из других миров прозванная голубым светом Девушка-птица в переличатом разноцветном оперенье. Опустившись на землю, сложила крылья на левой спине и пошла, утопая в лалбука, во мху вдоль широкой реки. Оглядела черными глазами прибрежный кустарник, деревья,

принесла в наши леса большую весть. В благодарности за это я покажу тебе своих друзей, соседей! Пойдем прогуляемся... Вот куропатка белая, багдама хэлаки, а вот гухарь, хорроки, а под скалой, спрятавшись от гнуса, стоит кабарга, микчан.

— Я запомню их. Но скажи, друг Чучичан. Нелепо вам тут живется? Голодно, небось?

Елена Куркина-Берзник

КАК ВОЗНИК НА ЗЕМЛЕ РОД ЭВЕНОВ

СКАЗКА * НИМНГАКАН ПО МОТИВАМ НАРОДНЫХ ПРЕДАНИЙ

скалы и дальние хребты. По всему видно — нравится ей эта земля.

У ног ее — пышный ягодный кумалан, ковер из голубики да брусники. Остается только прилечь губами к ягоде и кормиться. Девушка-птица обошла стороной мелкие, незрелые ягоды, затем вытнула царственную шею и призывно крикнула:

— Гули-гули! Гули-гули!

Эхом прокатился голос птицы к дальним сопкам и где-то там загорелся.

— Кири-кри! Кири-кри! — раздалось почти рядом. Девушка-птица вздрогнула от неожиданности, оглянулась. Видит — на большом камне-валуне сидит мудрая птица цвета древесной коры с длинным хвостом. Прямо перед собой на камне разложила отборные сочные ягоды голубики и брусники.

— Рада видеть тебя, милый Чучичан. Спасибо, что подал голос, — приветливо поклонилась злетевшая гостья, и на короне ее голыши заискрились крупинки разноцветной мурилки, бисера. — Я уж подумала было, что хвост здесьние совсем пустыньки. Ягодку никто не берет, рыбу в реке не ловят, зверя не пугают, оленей не седлают. Тихо и безлюдно.

— Да, но откуда ты имя мое знаешь? И как тебя величать, прекрасная эча савра, незнаюмка?

— Меня зовут Асаткан-Дэги, что значит девушка-птица. Принесло меня сюда северное облако, тучка. Откуда же имя твоё знаю? На земле моих предков птицу союку зовут "кикэвки". Вот наши книжки и предупредили меня, что их соплеменник далеко за Витимом величают иначе: "чучичан".

— Как интересно! Стало быть, нас знают! Союки живут и в других краях!.. Ты, красавица,

Ягода, смотрю, и та мелкая, кислая. Такой не наслаждаться!

— О нет, что ты, голубушка! Какой такой голод, когда кедровыми шишками владеем, орехом питаемся. А ягода не везде кислая, зеленая, — трюмо возразил Чучичан. — На склонах сопки, я это точно знаю, и голубика, и брусника крупная, сладкая. Вот попробуй, утоспись, душа моя, Асаткан-Дэги. Вот эти ягоды я принес во-оч отсюда, с солнечных увалов. Медовые, так и просеются в клюв.

— Спасибо, Чучичан, за угощение. Девушка-птица легко вспорнула на камень-валун, приблизилась к Чучичану, подставившему ей под ноги свое крыло, взяла губами две ягоды. Съев их, взмахнула крыльями и улетела на солнечную сторону сопки, на излюбленное место Чучичана.

— А через год, к новому урожаю ягод Асаткан-Дэги родила двойню: черноволосям мальчика и девочку с раскосыми, цвета спелой голубики глазами, с румянками, словно полтыми брусничным соком, щеками.

— Эвал! Кого это мы видим? — спрашивали друг у друга таежные птицы, глядя с верхушек осет на малышей.

— Да это, кажись, зэври, спустившиеся со склона.

— Или, скорее всего, звиньи, обитатели глухариного тока.

— Кто-то? Зэври с звинья? Спустившиеся с глухариного тока? — стрекотал, переспрашивая, любящий соек, черношпальный Чучичан.

— Ошибаетесь, друзья! Не звиньи мы и не зэври, а эвены, самые первые на земле-матушке. — сияя радостью и красотой, возвез-

тила счастливая мать, укладывая деток в берестяную люльку. Бэ.

Ошломленный Чучичан узнал в жендине-птице любимую Асаткан-Дэги, а в ее детях — свое ненаглядное потомство.

... В память о своих предках эвены и звенки никогда не обижают птиц, тем более соек. Увидит охотник на своей тропе союку, улыбнется, скажет про себя:

— Чучичан чомбидьен? Союка воркует?

Остановится, не дыша, и долго любуется коричнево-перстрым оперением птицы, ее живым характером. Наблюдает: если союка весела и кричит громко, смело, значит, быть ему удачливым. Если же в голосе птицы слышны жалоба, тоска — это к беде... Уж в чем-чем, а в предсказаниях союки сильна и никогда не ошибается. Она ведь, по поверьям, родилась из коры дерева. Поэтому только ей известны все тайны ветвей дерева, беседующих с ветром, солнцем с небесами...

Если же случится несчастье и охотник случайно убивает священную птицу, то быстро, не теряя ни минуты, подбегает союку к ветке дерева голышом сверху и обязательно расщепляет ей клюв с помощью прутика. Это чтобы приближенная к небу союка даже в бездыханном состоянии смогла выпросить для жителей тайги и тундры добрую погоду. Чтобы не прогневался небеса и не послали бы без времени на землю затяжную проливную дождь, зэруху или шквальный град...

Здесь же, стоя под распластанной и раскачивающейся бедняжкой, охотник просит прощения у природы за то, что лишил ее царство самой посплывной, щедрой, вздрасуэющей и вощей птицы. Птицы, давшей земле сплавный род эвенов.

ПАМЯТЬ * ДЭНКИТ

ДУША СИБИРСКОЙ ЭТНОГРАФИИ

Так по прошествии многих десятилетий забвения, замалчивания у себя на родине называет Ельпидифора Иннокентьевича Титова мировая этнографическая наука.

Исполнилось 60 лет с начала его восьмилетней, уникальной по результатам экспедиции по изучению оленных и оседлых тунгусов (1919-1926 гг.). Начинать наш земляк великое дело изучения туземцев Забайкальского Севера, будучи студентом Иркутского Госуниверситета, воспитанником больших ученых-подвижников Бернгарда Петри, Цыбана Жамцарано, Николая Миронова. Позже работе Е. Титова много содействовали А.К. Кузнецов (Чита) и В.К. Арсеньев (Владивосток-Хабаровск).

Путь экспедиции Ельпидифора Титова охватил Ленско-Киренский, Северо-Байкальский и Витимско-Нерчинский районы проживания тунгусов всех родов и общин. Причем, многие поселения орочен посещены энтузиастом северных троп дважды-трижды. Пройдены тысячи и тысячи верст, записаны тома фольклорных, лингвистиче-

ских материалов, собраны экспонаты, которым до сих пор нет и не может быть цены. Но самым бесценным даром ученого современникам и потомкам стал созданный им и изданный в Иркутске (при содействии Читинского краевого музея им. А.К. Кузнецова) "Тунгусско-русский словарь" с приложением труда М.А. Кастрена. Он явился первым по времени лингвистическим исследованием звенкинской языковой культуры высокого научного уровня.

Словарь Ельпидифора Титова, как и все его литературно-этнографическое наследие, еще предстоит издать. Сегодня же, завершая эту юбилейную информацию, признаемся: нам особенно приятно вспомнить добрым словом имя Е.И. Титова именно в этом, литературном выпуске "Северного чума". Поскольку Ельпидифор Иннокентьевич был не только душой этнографа, но и поэзии, литературы. С его именем связано возникновение и деятельность первого Иркутского литературно-художественного объединения (ИЛХО) "Барка поэтов". Титов — один из первых членов

Союза писателей СССР Дальнего Востока.

Признаемся и в том, что в годы работы над северной тематикой (1979-1999 гг.) хозяйке "Северного чума", автору этих строк посчастливилось пройти по многим маршрутам той давней фольклорно-этнографической экспедиции Е. Титова. А в нынешний год удалось значительно пополнить материалы о судьбе нашего выдающегося земляка. Заговорила сама память... Так бывает!

НА СНИМКЕ из личного архива А.М. Казанцевой, племянницы ученого: Е.И. Титов, 1936 год.

ПЕДАЛЬ СУДЬБЫ

Счастливый случай помог осуществить давней мечте Иннокентия Ивановича — купить автомобиль. Ему, человеку, прожившему большую часть своей жизни и не предполагавшему, что эта «железяка» так круто изменит оставшуюся часть его жизни. Он потерял интерес ко всяким делам, не имеющим отношения к запоздало забытой в нем технической революции, и с головой окунулся в изучение Правил уличного движения, инструкции по эксплуатации автомобиля и прочие технические книги стали для него настольными, глядя в которые Иннокентий Иванович, как говорится, видел фига, но не отчаивался, а с нетерпением ждал начала шоферских курсов, на которых, думалось ему, поправят его не техническое мышление.

Железный «хонь» магнитом тянул к себе в гараж новоспеченного автолюбителя. Иннокентий Иванович приходил к нему, любовался им, тщательно стирал пылинки с его лакокрасочного покрытия и подолгу мечтательно сидел за рулем.

Однажды сладостные мечтания Иннокентия Ивановича прервал сосед по гаражу:

— Ты так до дыр протрешь его. Пора осваивать новую технику.

— Легко сказать!

— Был и я в шкуре начинающего. Просыпался в холодном поту, когда видел во сне себя за рулем, а потом один умный мужик подсказал мне, как преодолеть психологический барьер. Выставил я по его совету свой автомобиль на «козлы», так, чтобы колеса не касались земли, и стал тренироваться на «живом» двигателе. Двигатель обкатал сам, притерся к педалям, а на курсах меня лишь поддифковали и дело пошло...

Идея так захватила Иннокентия Ивановича, что он тут же притащил от сторожки чурки, выставил на них свой автомобиль и после того, как заботливый сосед прокачал на его красавце и толково объяснил что к чему, с трелетом уселся за руль и душа запела вместе с двигателем, который то голубком ворковал на холостых оборотах, то напоминал полет шмеля, когда стрелка спидометра зашкаливала за сотню.

Никогда еще Иннокентий Иванович не испытывал такого наслаждения от езды. Только в этот момент он понял, как глупо заглянул в душу русского человека, о котором великий классик сказал бессмертные слова: «И какой же русский не любит быстрой езды!..»

Домой он прилетел на крыльях и поделился с распырившими его эмоциями с женщиной неопределенного веса. Сам Иннокентий Иванович уже не мог оторвать ее от земли, поскольку домашние весы с градацией до 120 кг зашкаливали.

На следующий день жена, подогретая восторгами мужа, увязалась за ним в гараж. Распахнув гараж, Иннокентий Иванович деловито осматривал автомобиль, вывешенный на чурках, зачем-то слегка пнул его в колесо, сел за руль, завел двигатель и, клацнув на пятую передачу, «поехал».

Жена, полюбовавшись его сияющим от радости лицом, робко постучала по лобовому стеклу, чтобы привлечь супруга на себя, игриво попросила:

— Прокатите, пожалуйста.

Муж улыбнулся ей счастливой улыбкой и кивнул. Она открыла дверцу и плюхнулась на сидение легковушки. Машина качнулась, подмяла под себя чурки и, ажкнув колесами, врезалась в верстак...

Ник.
Руднев

В гробовой тишине первым опомнился Иннокентий Иванович и испуганно прошепел:

— Закрой ворота! Люди увидят! Ка-кой по-зор...

Жена вывалилась из машины, закрыла ворота и побелевшая застыла в готовности выполнить любую команду мужа.

Иннокентий Иванович включил заднюю передачу и попробовал расстыковать с верстаком, но машина глохла от напряжения, а верстак не отступал.

— Помогите! — крикнул он жене. Она вцепилась в автомобиль и по команде «давай» так дала, что автомобиль скоростножно расстался с верстаком. Муж, не ожидая такого аффекта, растерялся, не успев торкознуть и автомобиль врезался в ворота...

Тяжело переживал Иннокентий Иванович случившееся: осунулся, почернел от горя, интенсивно курил и молчал.

Напуганная жена, не зная, как подступиться к мужу, тоже страдала и хоть он ни словом не упрекнул ее, во всем винила себя. Наконец, не выдержала, бухнулась перед ним на колени и запричитала:

— Не молчи, Кеся! Обругай меня дубо толстозадую! Клянусь, сяду на голодную диету и превращусь в деймочку! Это подействовало на него. Он глубоко вздохнул и, резко выдохнув, словно выпустив из себя неизвестного мучителя, оозанно посмотрел на супругу и сказал:

— Встань, Глаша! Хавают нам убытков. Остатки машины продадим и пойдем по жизни своей натоптанной тропинкой. Зачем нам под старость лет эти технические дебри...

Видимо правду говорят, что рожденный ползать летать не может.

ДРЕБЕЗМ

Я ПОЕДУ
НА МАЛЬВИНЫ

Алекс.

Полнолунийших

Я еду на Мальвины,
Я еду на Фолкленды.
Где среди кустов малины
Будут чудо-уикенды.
Я возьму с собой гитару,
А, быть может, мандолину...
Может, девушку Тамару,
Может, девушку Марину.
Может быть, и в одиночку
Я еду в край далекий
И однажды темной ночью
Я уму там одинокий.
Улучу на остров паски,

Жарким солнышком палимым,
Наброджусь там без опаски
Среди странных исполнителей.
Хорошо бы на Камары,
Еще лучше на Гавайи,
Где на звон мой гитары
Вмиг слетятся птицы стаи!
Хоть на край любого света!
Только долго там смогу ли?
Мне земля дороже эта,
Где весной в цвету багульник.

ИЗО-РЕВЕРАНС Визуал. Новолоцкого

От Читы и до Атланты
знает всякий народ:
у кого нет таланта,
тот в "ЧЛ" не придет.

Ред. колл.

ВЕСЕЛЫЙ МАРШ

Даешь, друзья, веселый тарарам!
Такой, чтоб сотрясало все от смеха!
Лети, веселье, так, как по гарам
Летит стремительное эхо.
Пусть кой-кому великая беда,
что мы речисты, голосисты,
Нас не исправить, мы уж навсегда
в душе артисты!

Ты с нами, зал! Ты радуешься, зал,
что злу добро подстраивает козни.
И если в цель прицурены глаза —
мы удивительно серьезны!
Друзья, подпишем тайный уговор,
когда на общий сбор зовут горнисты,
забудь себя, спеши на общий сбор!
Вперед, артисты!

Да, вечен смех — я предсказать берусь.
Смеяться — это, значит, врачеваться.

Росм.
Юдинцов

Но смех, друзья, подчас нелепый груз,
такой, что даже можно надорваться.
Зачем таить в остроте остроу?
Мы — молодцы, зубасты и плечисты.
Под сердцем сберегая доброту,
живут артисты!

Весело мы жили, когда на кафедре не было стариков. Я — самый старший, а лет-то мне немногим более сорока. Разве это возраст! А доцентам Валентину Русеву и Виталику Мищенко и того меньше, может быть, чуть-чуть за тридцать перевалило.

Но самые молодые — это аспиранты Витя Бочарников, Валя Кучук и Дима Васильев. Вот они-то все и затеяли.

Короче, дело было так. Прихожу я на кафедру рано утром и глазам своим поверить не могу — вся стена исписана изречениями. Да еще какими! Я бы не удивился, если бы они патристические лозунги написали. Например, «Слава КПСС!» или «Да здравствует самая передовая в мире советская медицинская наука!» Так нет же. В самом верху, под потолком, красуется изречение Льва Ландау: «Чем выше лезет обезьяна, тем лучше виден ее зад!» А чуть ниже — Козьмы Пруткова: «Бди!» И между буквами «б» и «д» хавычка стоит, мол, случайно еще одну букву пропустили. Хорошо еще, подцепы, букву эту не вписали, а то совсем была бы нам хана.

А дальше еще хуже: «Чем меньше человек получает зарплату, тем он умнее». Нет, подумайте сами! Кто меньше всех зарплату на кафедре получает? Конечно,

аспирант. Ну, а кто больше всех? Разумеется, зав. кафедрой, то есть я. И выходит... Впрочем, что мне обижаться, моя зарплата в государстве далеко не самая большая, значит, немало еще людей и поглупее меня. Кстати, кто из нас умный, а кто — не очень, они, паршивцы, скоро сами убедятся, когда мне свои опусы, то бишь диссертации, принесут читать.

Пришел на кафедру и вижу на двери моей любимой аспирантки Вальки Кучук лозунг висит:

Мы гостям хорошим рады —
Смело в дом входите.
Вытирайте ноги, гады,
Чистоту блюдите!

Начальство к нам на кафедру не любило захаживать, если что, так к себе вызы-

Ну, думаю, слава Богу! Хоть надписи на стене не прочтут. Только вижу: один из них остановился около нашей разукрашенной стены и хитро-хитро улыбается.

Тут и Зинаида Ильинична надписи увидела и стала зеленее, чем краска, которой наши стены выкрашены. Но сдержалась и ничего не сказала.

Бор. Кузник

ВЫТИРАЙТЕ НОГИ

И еще — Козьму Пруткова переделали: «Если хочешь стать не ученым, стань доцентом». «Профессором» — постеснялся написать, но я-то намах сразу понял. Конечно, я тоже в долгу не остался. На двери лаборатории, где совершали великие научные открытия Виктор Бочарников и Дима Васильев, тоже кое-что нацарапал: «Если аспирант разбирается в теме своей диссертации хуже, чем его руководитель, то ему здесь делать нечего!» Но это все было безобидные шутки. А вот однажды...

А посажу, что у нас происходит, ни в ректорате, ни в партбюро не знали. А тут, как назло, шибко ученые люди из Монголии приехали, и решили начальство показать им институт. И прежде всего, отправились на нашу кафедру, чтобы ознакомиться, как мы здорово научные кадры готовим.

И вот приходят. Сопровождают гостей партгор Зинаида Ильинична Егурнова, преподаватель кафедры общественных наук. А монголы уверяют, что русского языка не знают.

И вдруг тот самый гость, который хитро улыбался, подходит к лаборатории Вали. Постоял перед плакатом, почитал, а потом, прищурившись, спрашивает:

— А что такое по-русски «гады»?
Зинаида Ильинична сначала ничего не поняла. А когда увидела лозунг на двери, чуть в обморок не упала. Но, собрав все силы и мужество, она сорвала лозунг и зареветала:

— Ох, это не про вас. Правда, не про вас! И как можно скорее увела делегацию

на другую, более благополучную, кафедру.

Что произошло потом, не трудно догадаться. Меня вызвали к ректору, профессору Вилу Ивановичу Аюпову. Была и Зинаида Ильинична. Тут-то она и дала волю гневу. Мне напомнили, что институт — это не частная павочка и что подобные надписи я могу делать у себя дома, а не на кафедре.

К сожалению, все лозунги пришлось закрутить. А в отношении Вали Кучук я вынужден был издать строгий приказ: «В связи с серьезными нарушениями трудовой дисциплины аспиранткой Валентиной Кучук с сегодняшнего дня любимой аспиранткой профессора Б.И. Кузника назначается Валентина Еремеевна Попова».

Вот как наказан! Не будет всякие пакости на дверях писать!

ИЗДАТЕЛЬ
ООО
«Азия-пресс»
Тел.: 23-90-08,
23-88-16
Выходит
один раз в месяц.

Зак. №1199
Набор и верстка
ООО СТС г. Чита.
Отпечатано
в ИПК «Забтран»

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Леонид Аверьянов,
Николай Березин,
Александр Потяев,
Михаил Вишняков,
(шеф-редактор)

Георгий Граубин,
Юрик Карасевич
(отв. секретарь),
Игорь Портнягин,
Вячеслав Толкалин,
Борис Макаров

Это была демоверсия книги - Газета "Чита литературная" за 2000 год

С полной версией книги, Вы можете ознакомиться в нашей библиотеке по адресу: Забайкальский край, г. Чита, ул. Ангарская, д. 34